

УДК 81'42

У.С. Захарова

**АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУР:
К ПРОБЛЕМЕ СИНТЕЗА ТЕОРИИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ
И ТЕОРИИ КУЛЬТУРНЫХ ДОМИНАНТ**

Статья посвящена анализу теории культурных доминант Г. Хофстеде и теории ключевых слов А. Вежбицкой с целью выработки интегрированной модели анализа русской и английской лингвокультур. Анализ проводится на примере сопоставления эмоциональных характеристик, репрезентирующих ценности маскулинных и фемининных культур: ниже/выше нормы эмоциональной стабильности и самоконтроля, симпатия к сильному/слабому.

Ключевые слова: культурная доминанта, ключевые слова, маскулинность, фемининность, языковая реализация.

На современном этапе гуманитарная наука накопила множество теорий, нацеленных на объяснение специфических черт национальных языков и культур. Зачастую в пределах различных частных наук гуманитарной сферы рассматриваются соотносимые предметы при выделении в них различных аспектов. К таким теориям, на наш взгляд, относятся антропологическая теория Герта Хофстеде и лингвокультурологическая теория Анны Вежбицкой. В данной статье проводится сопоставление этих концепций для выявления возможности их интегрированного использования в качестве теоретической основы анализа способов языкового маркирования культурных особенностей на материале русского и английского языков¹.

Ключевым термином в кросс-культурном исследовании Г. Хофстеде являются «измерения культуры» — основные параметры, по которым различаются национальные культуры в плане ценностей; они были выявлены посредством теоретического обоснования и статистического анализа [2. С. 11]. Согласно его теории существуют четыре таких измерения: индивидуализм/коллективизм (ориентация на индивидуальные/групповые цели), дистанция власти (степень неравенства вышестоящих и нижестоящих лиц), избегание неопределенности (потребность в формальных правилах в качестве ответной реакции членов культуры на угрозу или опасность для себя из-за непонятной или неопределённой ситуации) и маскулинность/фемининность (противопоставление индивидуальных целей общественным).

А. Вежбицкая, в свою очередь, строит работу с опорой на базовый термин «ключевые слова» — «это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [3. С. 35]. Она утверждает, что не может существовать абсолютных эквивалентов слов одного языка в другом, а соответствия в двуязычных словарях искусственны. Исследования данного ученого направ-

¹ Соотнесение рассматриваемых концепций представлено также в работе Т.В. Лариной [1].

лены на выявление лингвокультурных концептов с опорой на анализ лексического, дериватологического и синтаксического уровней языка.

Сравнение концепций далее будет проведено на примере выделенного Г. Хофстеде измерения культуры «маскулинность/фемининность», которое относит русскую и английскую культуру к разным типам: к фемининным (индекс маскулинности русской культуры – 36 из 100) и к маскулинным (индекс маскулинности культуры Великобритании – 66 из 100, Соединенных Штатов Америки – 62, Австралии – 61) [4].

Ценности, репрезентирующие оппозицию маскулинности/фемининности культур, выработанные Г. Хофстеде, были сгруппированы нами в три класса: эмоциональные (например, нормы эмоциональной стабильности и самоконтроля выше в фемининных и ниже – в маскулинных культурах), социальные (например, ориентация на отношения в фемининных культурах и на себя – в маскулинных) и гендерные – специфичные для мужского и женского поведения в обществе (например, минимальные в фемининных, и максимальные в маскулинных культурах эмоциональные и социальные ролевые различия между полами). Данное исследование посвящено эмоциональным характеристикам, репрезентирующим ценности маскулинных и фемининных культур: ниже/выше нормы эмоциональной стабильности и самоконтроля, симпатия к сильному/слабому [5. С. 298–299, 306].

Эмоциональность считается Анной Вежбицкой одной из очень важных семантических характеристик русской культуры, она подчеркивает «высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [6. С. 33]. Во-первых, в языке это представлено исключительным богатством «активных» эмоциональных глаголов процессуального и квазиволитивного характера, «большинство из которых совершенно не переводимо на английский язык» [6. С. 42]. Англосаксонская же культура проявила себя как «культура, которая обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как «эмоциональное», с подозрением и смущением», и, как следствие, в английском языке непереходных эмоциональных глаголов очень мало, и они имеют тенденцию к сокращению, переходу в группу стилистически окрашенных [6. С. 41].

Во-вторых, отличительной чертой русского языка является сочетание безличной формы этих глаголов (или наречий) с дательным падежом имени для выражения отсутствия контроля над своими чувствами [6. С. 44] (например: *Ему взгрустнулось; Ему было грустно*). Как пишет А. Вежбицкая, англичанам не свойственно «отдаваться» чувствам, поэтому в английском языке «нет универсального механизма, который бы преобразовывал дескриптивные единицы в экспериенциальные» [7. С. 46]. Это объясняет определенные трудности перевода подобных предложений с русского языка.

В-третьих, особенности словообразования также свидетельствуют об эмоциональности русской культуры. Так, уменьшительные суффиксы придают прилагательным различные экспрессивно-эмоциональные оттенки: «значения низкой степени качества» (*хитрый – хитроватый*), «выражения чувств любви, нежности, симпатии и удовольствия» (*родной – родненький*), «презрения, ненависти, пренебрежения и надменного отношения» (*дешевый – дешевенький*) [7. С. 42–43]. В переводе на английский, который не отражает

семантический вклад диминутивов, это ощущение полностью исчезает [7. С. 52].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о соотносительности данных характеристик с выводами о низком уровне эмоциональной стабильности и самоконтроля русской культуры и высоком уровне английской, сделанными Г. Хофстеде, а следовательно, склониться к мысли, что русская культура маскулинна, а английская – фемининна, однако следующий аспект эмоционального класса – симпатия к сильному/слабому – говорит в пользу обратного. С нашей точки зрения, следующие характеристики эмоционального и социального классов можно рассмотреть в комплексе: свидетельства в пользу симпатии к сильному можно отчасти отнести к аспекту преувеличения собственной роли, а в пользу симпатии к слабому – к аспекту преуменьшения собственной роли.

Неагентивность (пассивность) определяется А. Вежбицкой как еще одна отличительная черта русской культуры (вслед за другими авторами: Г. Федотов – «фатализм Востока», Ф. Достоевский – смирение, Л. Толстой – легенда о приглашении варягов на княжение, В. Соловьев – «подчиненность и покорность», Е. Евтушенко – «притерпелость») [6. С. 35]. Неагентивность (пассивность) понимается исследователем как «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена» [5. С. 33]. Особую национально специфическую роль в русском языке в этом плане играет частица «авось». Согласно А. Вежбицкой, она отражает общее отношение русских к жизненным перипетиям: «Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир» [6. С. 77]. Представляется, что это самое лучшее подтверждение симпатии к слабому как черты фемининных культур, по типологии Г. Хофстеде. А. Вежбицкая также отмечает, что в русских предложениях часто эксплицитно выражаются чувства сострадания и жалости без упоминания причины [6. С. 53]. Эта особенность также вызывает трудности при переводе на английский язык.

Если обратиться к английской или, что более ярко, американской культуре, то здесь очень показательна симпатия к сильному. Американская культура имеет определенный культ «самодельного человека» (self-made person) – это и физическая сила, и материальная независимость, и карьерная успешность. Об этом свидетельствуют и изменения межличностных отношений – деловые контакты становятся важнее личных. Так как агентивность связана обычно с номинативными и номинативоподобными конструкциями, а «бессилие» и «пациентивность» — с дативными и дативоподобными (что было рассмотрено в части о неконтролируемости эмоций), то различия между национальными языками проявляют различие ценностей и в этом плане. «Безличные дативные предложения занимают в русском языке доминирующее положение; более того, их роль в нем постоянно возрастает (тогда как в английском все изменения в этой области идут ровно в противоположном направлении)» [6. С. 56]. В русском языке также имеются безличные модальные предикаты со значением долженствования или невозможности, требующие дательного падежа субъекта, и инфинитивные конструкции со сходным зна-

чением (*Мне нужно ехать. Сейчас бы выпить чайку*). В английской грамматике, напротив, существует множество конструкций, где каузация позитивно связана с человеческой волей (*X сделал так, чтобы Y сделал Z*). Также знаковым подтверждением различного отношения может служить следующий пример: *He succeeded (Он преуспел) – Ему удалось*. В английском варианте определенная часть ответственности лежит на действующем лице, в то время как в русском варианте этого не наблюдается [6. С. 72].

Проведенное соотнесение характеристик лингвокультуры, выделенных А. Вежбицкой и Г. Хофстеде, показало, что как английскую, так и русскую культуру можно отнести и к маскулинному, и к фемининному типу. В данной работе анализировался класс эмоциональных характеристик, другие два класса требуют проведения отдельного исследования.

Литература

1. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
2. Hofstede G. Culture's consequences : International differences in work-related values. Newbury Park, CA : SAGE Publications Inc., 1980. 327 p.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Официальный сайт Герта Хофстеде и Герта Яна Хофстеде [Электронный ресурс]. URL:<http://www.geerthofstede.com/media/654/6%20dimensions%20for%20website%2020101123.txt> (дата обращения: 07.05.2012).
5. Hofstede G. Culture's consequences : comparing values, behaviors, institutions, and organizations. Thousand Oaks CA : Sage Publications, 2001. 596 p.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
7. Bratus B.V. The formation and expressive use of diminutives. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 78 p.